

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 141

DOI: 10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32

Дата поступления: 28.04.2025
рецензирования: 02.06.2025
принятия: 16.06.2025

А.А. Черных

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: deusdrus@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

Д.И. Писарев о монизме, материализме и партийности философии

Аннотация: рассматривается эпизод из дискуссии о статье Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Показывается, как Д.И. Писарев отстаивал материалистическое мировоззрение против критики оппонентов. Ставятся следующие задачи: 1) выявить актуальные онтогносеологические идеи Д.И. Писарева для современной онтологии и теории познания; 2) проанализировать принцип партийности философии на примере статей Д.И. Писарева. Целью исследования является прояснение специфики взглядов Д.И. Писарева и обоснование его актуальности как философа. Методологией исследования выступает принцип партийности, то есть классификация философских систем в рамках парадигм идеализм–материализм и дуализм–монизм, согласно которой онтогносеологические взгляды философа являются фундаментом для политических, антропологических, этических, эстетических и иных идей. В качестве источников рассматриваются в первую очередь тексты Д.И. Писарева, в которых он отстаивал правоту Н.Г. Чернышевского в рамках дискуссии об антропологическом принципе. Также учитываются тексты мыслителей, с которыми Д.И. Писарев полемизировал: П.Л. Лаврова, П.Д. Юркевича и других. Новизна обуславливается демонстрацией того, что принцип партийности философии не вульгаризирует понимание онтологических и гносеологических проблем, а помогает понять саму природу онтогносеологических вопросов, а также указанием на антропологический поворот в русской философии в XIX в. Делается вывод о высоком значении Д.И. Писарева для русской и мировой философской мысли, онтологии и теории познания.

Ключевые слова: материализм; идеализм; позитивизм; монизм; дуализм; партийность философии; антропологический поворот; антропологический принцип; русская философия.

Цитирование: Черных А.А. Д.И. Писарев о монизме, материализме и партийности философии // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 2. С. 21–32. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Черных А.А., 2025

Андрей Александрович Черных – кандидат философских наук, ассистент кафедры общественных наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32.

SCIENTIFIC ARTICLE

A.A. Chernykh

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation
E-mail: deusdrus@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0009-0003-9083-231X>

D.I. Pisarev on monism, materialism and partisanship of philosophy

Abstract: an episode from the discussion of N.G. Chernyshevsky's article *The Anthropological Principle in Philosophy* is considered. It is shown how D.I. Pisarev defended the materialistic worldview against his opponents' criticism. The study sets out the following tasks: 1) to identify the relevant ontognoseological ideas of D.I. Pisarev for contemporary ontology and theories of cognition; 2) to examine the principle of partisanship in philosophy using examples from Pisarev's works. The aim of the study is to clarify the specific features of Pisarev's philosophical views and to justify his relevance as a thinker. The methodology is based on the principle of partisanship, i.e. the classification of philosophical systems within the paradigms of idealism–materialism

and dualism–monism, according to which the philosopher’s ontognoseological views serve as the foundation for his political, anthropological, ethical, aesthetic, and other ideas. The primary sources analyzed are texts by D.I. Pisarev in which he defended Chernyshevsky’s position in the discussion of the anthropological principle. Texts by other thinkers with whom Pisarev engaged in polemics, such as P.L. Lavrov, P.D. Yurkevich, and others, are also taken into account. The study’s novelty lies in showing that the principle of partisanship in philosophy does not vulgarize the understanding of ontological and gnoseological problems, but rather helps reveal the nature of ontognoseological questions. The study also highlights the anthropological turn in Russian philosophy in the 19th century. The conclusion emphasizes the high significance of D.I. Pisarev for both Russian and global philosophical thought, particularly in the fields of ontology and gnoseology.

Key words: materialism; idealism; positivism; monism; dualism; partisanship of philosophy; anthropological turn; anthropological principle; Russian philosophy.

Citation: Chernykh, A.A. (2025), D.I. Pisarev on monism, materialism and partisanship of philosophy, *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*, vol. 5, no. 2, pp. 21–32, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2025-5-2-21-32>.

Information about conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Chernykh A.A., 2025

Andrey A. Chernykh – Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, 30–32, Griboedov Canal Embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

Введение

В 1860-х гг. среди русских мыслителей развернулась дискуссия об антропологическом принципе, спровоцированная, с одной стороны, работой Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», а с другой – критикой этой работы П.Д. Юркевичем. Онтологические позиции Н.Г. Чернышевского и П.Д. Юркевича наиболее обще можно охарактеризовать как материализм и идеализм соответственно. Гносеологические же позиции названных мыслителей раскрываются через различие монизма и дуализма: если Чернышевский доказывает *материальное единство мира как субстанции*, то Юркевич проводит непреодолимую границу между материальным и духовным началами, наряду с этим заимствуя идеи как из христианской догматики, так и из агностицизма И. Канта.

Следствием позиции Чернышевского и его школы становится принцип, согласно которому мир познаваем, причем человеческие формы познания адекватны миру, а потому не могут считаться искажением. Такой принцип вытекает из монистического понимания мира.

В то же время Юркевич и его сторонники опираются как на религиозное представление о человеке (дуализм души и тела), так и на гносеологический пессимизм Канта. Вкупе получается, что душа, духовная жизнь (то есть психика, сознание) принципиально непознаваемы посредством физиологии, но доступны только «интроспекции» (внутреннему зрению). Чернышевский и Писарев уже в XIX в. видели, что такое представление о мире и человеке противоречит науке и мешает достижению истины, а сегодня это тем более очевидно, когда психология развивается во многом благодаря естественным наукам и их методам.

Это обстоятельство заставляет вновь обратиться к идее партийности философии, причем не только в социально-политическом его значении, но прежде всего в онтологическом и гносеологическом смысле: пока одна философская «партия» идет бок о бок с наукой и стремится к истине, другая «партия» использует науку как инструмент для доказательства своей позиции.

Из сказанного ясно, что дуалистическая позиция в познавательном плане явно проигрывает монизму, точно так же, как дуалистический идеализм проигрывает монизму и материализму. Другими словами, дуалистический идеализм как философскую систему следует признать несостоятельной, в то время как монизм и материализм имеют перспективы для развития.

Опираясь на современные им достижения философской мысли и естественных наук, Чернышевский и его последователи отстаивали материалистический взгляд на мир и человека как часть бытия. Юркевич же и его сторонники занимали идеалистическую позицию, тесно связанную с религиозным мировоззрением.

Однако Чернышевский не сказал последнее слово в философии. Один из его последователей, Д.И. Писарев, продолжил развивать онтогносеологические идеи, высказанные автором «Что делать?». На примере работ Писарева рассмотрим материалистическую философию и ее потенциал.

Статья Д.И. Писарева «Схоластика XIX века», вышедшая в 1861 г. в журнале «Русское слово», представляет собой значительный эпизод в дискуссии об антропологическом принципе и партийности философии. О некоторых других этапах этой полемики мы писали ранее (Черных 2024а, Черных 2024б). Для адекватного понимания данной работы следует обратить внимание на то, как

исследователи оценивают философские взгляды Писарева. Это тем более необходимо, так как рассматриваемая статья стала переходом мыслителя от просветительских идей к революционно-демократическим.

А.Н. Маслин пишет, что Писарев испытал на себе влияние идей позитивизма, но остался материалистом: «Подчеркивание мировоззренческого значения естествознания порой означает у Писарева в определенном смысле материалистически истолкованные позитивистские веяния» (Маслин 1968, с. 140). А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров оценивают философию Писарева как предшествующий этап в становлении марксистской онтологии: «Писарев в сущности был метафизическим материалистом; диалектика проявляется у него лишь стихийно, и то главным образом в области естественных наук, когда он рассматривает развитие в растительном и животном мире» (Галактионов, Никандров 1970, с. 419). В.С. Никоненко, рассматривая «реализм» Писарева как продолжение философии Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, подчеркивает важность целостного рассмотрения философии мыслителя: «Противоречивые оценки философских воззрений Писарева становятся возможными в том случае, если в поле зрения исследователя попадают отдельные статьи мыслителя, пусть даже наиболее важные, а также в том случае, если не учитывать особенности выражения его философских взглядов» (Никоненко 1983, с. 83).

В контексте полемики вокруг работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (Чернышевский 1987) особенно важно иметь в виду следующее замечание Никоненко, в котором исследователь выступает против обесценивания философии «реализма»: «“Антитеоретические” высказывания Писарева направлены против схоластики, теоретического скудоумия дудышкиных и Н. Ко, против реакционных концепций» (Никоненко 1983, с. 88). Другими словами, Писарев не выступал против системы, диалектики, философии как таковых, он выступал именно против их идеалистических форм.

Полемическая работа Писарева «Схоластика XIX века» разбита на две статьи, каждая из которых вышла в 1861 г. в журнале «Русское слово». Главы I–X датированы 12 мая, а XI–XVII главы – 3 сентября.

В первой части Писарев выразил свое отношение к современной ему журнальной «критике», высказав в то же время свои взгляды на проблему партийности философии и обозначив некоторые замечания о взглядах П.Л. Лаврова и методах критики М.А. Антоновича. В связи с этим Лавров написал статью «Моим критикам» (Лавров 1861).

Во второй части Писарев более определенно говорит о журналистах «Отечественных записок»,

которые критиковали взгляды Чернышевского, то есть материализм, «реализм» и «нигилизм». Среди таких авторов Писарев называет Альбертини, Бестужева-Рюмина, Дудышкина. Кроме того, Писарев упоминает «Русский вестник» и в отдельных главах – П.Д. Юркевича.

Иными словами, Писарев высказывается против «схоластики» журналов «Русский вестник» и «Отечественные записки», а также таких мыслителей, как Юркевич и Лавров. С мировоззрением же Чернышевского и Антоновича журналист «Русского слова» солидаризируется.

Этот эпизод из дискуссии имеет не только и не столько историко-философское значение, сколько общеполитическое: в работах Писарева проясняется значение актуальных идей о тесной связи монизма и материализма, о партийности философии и отстаивается взгляд о том, что формы человеческого познания адекватны миру, то есть что антропоморфизация мира есть не искажение, а корректное познание. Однако эти идеи представлены у Писарева неявно, чем обусловлена трудность в их изучении.

О различии «жизни» и «теории», материализма и идеализма

Критикуя «схоластику», Писарев затрагивает проблему эффективности современной ему журналистики: «Пишущие люди забывают, что они пишут не для себя, а для общества» (Писарев 1955b, с. 98). Как результат, читающая публика следит не за борьбой идей, которые выработаны мыслителями, а за «скандальной стороной» журнальной полемики. Далее Писарев выступает против иллюзий о воздействии русских журналов на сознание народа. Шестидесятник подчеркивает, что «о влиянии на простой народ... смешно и говорить. Наш народ, конечно, не знает того, что о нем пишут и рассуждают, и, вероятно, еще лет тридцать не узнает об этом» (Писарев 1955b, с. 99). Писарев выражает сомнение в том, смогла ли журналистика решить хотя бы один практический вопрос, относящийся к жизни народа.

В неявном виде речь идет не столько о проблемах журналистики или общества, сколько о проблеме соотношения жизни и теории, то есть о «реалистическом» (материалистическом) и идеалистическом взглядах на мир. Вопросы онтологии предшествуют проблемам социума и общественных институтов, так как являются их основанием. Идеализм, по Писареву, есть теория без приложения к практике, в то время как материализм предполагает претворение идей и теорий в жизнь. Через такую интерпретацию становится понятно онтологическое значение слов Писарева.

Теоретическая деятельность не может изменить жизнь «народа», представители которого не только в силу нехватки образования не могли понять

статьи, публикуемые в журналах 60-х гг. XIX в., но и почти никогда не владели элементарной грамматикой, то есть не умели читать. Соответственно, справедливо положение Писарева, что «гражданин воспитывает жизнь, а не книга» (Писарев 1955b, с. 100). Журналистика вообще не может приблизить теоретика к «народу», для этого необходимо жить среди него и иметь с ним общие интересы. То есть не слова и идеи, а именно материальное основание является существенным.

Во фрагменте текста, вырезанном цензурной правкой, Писарев оценил русского крестьянина как такого представителя общества, который «еще не в состоянии возвыситься до понятия собственной личности, возвыситься до разумного эгоизма и до уважения к своему я» (Писарев 1955b, с. 101). В этих словах видны отблески этической теории, которую параллельно разрабатывали Чернышевский и Лавров, теорию, имеющую своим основанием монистический принцип, согласно которому эгоизм и разумный эгоизм – одно и то же, но на разных стадиях развития.

В этом же фрагменте Писарев предлагает стратегию просвещения народа, то есть пропаганды разумного эгоизма. После изъятых частей текста следуют слова: «Это среднее сословие, гуманизованное общечеловеческими идеями, может сделаться посредником между передовыми деятелями русской мысли и нашими младшими братьями – мужиками» (Писарев 1955b, с. 101).

В начале главы IV Писарев формулирует цель русской журналистики и ее целевую аудиторию. Цель журналистики, согласно Писареву, заключается в том, чтобы разбить предрассудки своей аудитории и «помочь ей выработать себе разумное мирозерцание» (Писарев 1955b, с. 102). Но воздействовать на образ мыслей сформировавшихся людей не представляется возможным силами журналов, а потому целевая аудитория должна состоять из «людей молодых и свежих, людей, способных принять истину и отрешиться от отцовских заблуждений» (Писарев 1955b, с. 102). Хотя в этих рассуждениях есть здоровое зерно, следует заметить, что оно имеет явно народнический и просветительский характер, то есть отчасти утопический. Однако важнее другое – Писарев показывает, что для адекватного познания действительности необходимо отказываться от идей, не имеющих основание в «жизни».

Данные рассуждения о задачах журналистики и стратегии просвещения могут показаться далекими от вопросов собственно философских, от проблем партийности философии и антропологического принципа. Но Писарев именно с этого начинает изложение своего материалистического взгляда на мир, человека, общество. Если Чернышевский в «Антропологическом принципе» подходил к вопросу издали, говоря сначала о связи

политических и философских взглядов, о материальном единстве мира, то Писарев отстаивает материализм и критикует «схоластику» (идеализм), начиная с изложения стратегии ведения журналистской деятельности. Различение этих акцентов помогает лучше понять специфику взглядов Чернышевского и Писарева, однако это не принципиально для понимания самой сути материалистической философии, которую они представляют.

Развивая идею о партийности философии, Писарев критикует «рассудительных людей», которые пытаются найти золотую середину. Однако «нейтралитет, который стараются держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман» (Писарев 1955b, с. 104). Такой оптический самообман можно обнаружить в работах Лаврова, который пытается находиться вне борьбы материализма и идеализма, объясняя это стремление тем, что обе партии «метафизичны», а потому ненаучны. Однако следует признать, что позиция Писарева о том, что субъективность является неотъемлемой частью объективности, в философском и научном отношении более состоятельна, чем агностицизм Лаврова (здесь уместно было бы вспомнить типы научной рациональности по В.С. Степину).

Затрагивая тему литературы, Писарев высказывает суждение о среднем сословии как о главном акторе общественных преобразований. «Борьба идей, а не личностей, столкновение понятий и воззрений возможны только в этом классе» (Писарев 1955b, с. 107). С одной стороны, этим Писарев объясняет преобладание в литературе выходцев из среднего класса в качестве героев. С другой стороны, автор подчеркивает значимость этого класса в идеологической и, соответственно, политической борьбе. Также Писарев пишет о психологической значимости такого подбора героев: «Занимаясь преимущественно средним сословием, наша изящная словесность обращает свое внимание не столько на общество, сколько на человеческую личность» (Писарев 1955b, с. 107). Таким образом, литература отражает «явления русской жизни».

Далее автор подчеркивает, что «критика» не должна придумывать новые явления, которых нет в жизни, а только следовать литературе, которая, по мысли Писарева, справляется со своей задачей. Так, он пишет, что «критика может только обсуживать существующие явления, выражать потребности, носящиеся в обществе, а не порождать новые явления» (Писарев 1955b, с. 108). Важно понимать, что этим автор не пытается принизить значение «критики», а только указывает ее роль. Более того, Писарев пренебрежительно отзывается именно о тех «жалких людях», которые чувству и жизни предпочитают «строгую систематичность» и построение теорий. Но в таких словах автор критикует не систему и теорию вообще,

а идеализм, который ставит системы и теории выше той действительности, в которой существует человек, то есть в материальной субстанции, в широко понятой природе.

В соответствии с пониманием, что при формировании мировоззрения *действительность* важнее *теоретических построений*, Писарев высказывается о характере Отечественной войны 1812 г. и действиях народа материалистично и даже несколько по-утилитаристски: «Эти миллионы поднимаются не для того, мне кажется, чтобы отстаивать какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы» (Писарев 1955b, с. 110).

В контексте различения *живого чувства* и *идеалистических теорий* Писарев ставит проблему современной ему журналистики следующим образом: «Нас заели фразы, мы пустились в диалектику, воскресили схоластику» (Писарев 1955b, с. 111). То есть вместо «настоящего дела» обсуждаются «слова и отвлеченности»: в духе, близком средневековью.

Выступая против «теории», Писарев обращает внимание на то, что вряд ли кто-либо стал бы оспаривать следующее положение: «“Уважайте в себе и в других человеческую личность”» (Писарев 1955b, с. 112). Но применять такую истину, очевидную в теории, оказывается затруднительно на практике: «...посмотрите вокруг себя – вы встретите на каждом шагу противоречия этому простому правилу практической нравственности; загляните в историю человечества, и вы убедитесь в том, что оно даже теоретически не уяснило себе этой идеи» (Писарев 1955b, с. 112). Из этого обстоятельства Писарев выводит правило, согласно которому *«приложение принципа к делу гораздо важнее самого принципа»* (курсив мой. – А.Ч.)» (Писарев 1955b, с. 112). Можно было бы возразить, что для применения принципа необходимо этот принцип уяснить на теоретическом уровне. Но здесь, как и в случае с текстами Чернышевского, автор делает акцент на том, что наиболее важно для него, даже если из-за этого акцента как будто происходит переход из одной крайности в другую – не менее сомнительную – крайность. Тем не менее, это крайность не по сути, а только по форме: чтобы выпрямить согнутую палку, сначала приходится выгнуть ее в обратную сторону. Другими словами, утверждается, что реальность важнее теории, поскольку сама теория возникает не до, а после жизни и реальности.

Именно осуществление принципов на практике Писарев считает наиболее важной проблемой, так как об этих принципах, как он считает, редко возникают разногласия. Споры чаще ведутся о частностях. Журналист «Русского слова» пишет в соответствии с принципом партийности: «...кто не сходит с нами в основании, с тем мы счита-

ем всякий спор совершенно бесполезным» (Писарев 1955b, с. 112). Поэтому Писарев не видит необходимости в серьезной полемике ни с «Русским вестником», ни с «Отечественными записками», ни с Юркевичем. Очевидно, того же взгляда придерживался и Чернышевский, отказываясь от полемики с автором статьи «Из науки о человеческом духе» (Юркевич 2015).

Этот тезис, высказываемый Писаревым и звучный словам Чернышевского, имеет большое философское значение. *Основание* представляет собой не просто философскую категорию, а такую форму бытия, от которой берут начало все прочие формы сущего. В этом русские демократы и материалисты солидаризируются с немецкими классиками Фихте, Шеллингом и Гегелем, отыскивающими не просто предпочтительную или удобную категорию для развития своей онтологии, а такое основание, из которого логически правильно и необходимо выводить последующие категории. Соответственно, если нет согласия в основании (о самом бытии), то спор обо всем последующем (о категориях, об антропологии, об общественном устройстве, о журналистике и прочем) не имеет действительного научного смысла.

Подчеркивая пользу и жизненность материалистического взгляда, а также отвлеченность и фантастичность идеалистического, Писарев предлагает релятивистский взгляд на прекрасное. Так, он утверждает, что «абсолютной красоты нет» (Писарев 1955b, с. 115) и что «понятие красоты лежит в личности ценителя, а не в самом предмете» (Писарев 1955b, с. 115). Далее Писарев выражает эту мысль формулой: «Красота чувствуется, а не меряется аршином» (Писарев 1955b, с. 115). И хотя такой взгляд нельзя считать необходимым для материализма, все-таки его можно вывести из материалистического понимания мира и человека. Писарев осознает зависимость эстетического чувства от деятельности мозга, поэтому утверждает, что «силлогизмы», из которых следует, что произведение художественно, не имеют значения, если оно «не подействовало на мою нервную систему» (Писарев 1955b, с. 115). Это крайность, которую вряд ли можно считать истинной, однако в ней хоть и неполно, но все же проявляется антропологический поворот в понимании бытия и красоты.

С этим положением о восприятии произведений искусства индивидами связано утверждение о том, что «строго проведенная теория непременно ведет к стеснению личности» (Писарев 1955b, с. 116). По Писареву, если мы ставим теорию выше личности, это приводит к тому, что личность самоистязает себя ради идеи, теории, предрассудков. С данным пониманием сообразно и положение о недопустимости руководства над трудом художника. Писарев утверждает, что человека искусства нельзя ни «наталкивать», ни «оттаскивать». Исхо-

дя из своего убеждения, автор упрекает «г. –бова» (Н.А. Добролюбова) за то, что он стремится «запрячь поэзию в воз» (Писарев 1955b, с. 118). Иными словами, личность и художник – то, что дано, в то время как рамки, в которые их загоняют, есть идеи, оторванные от жизни.

Далее Писарев пишет: «Наше время решительно не благоприятствует развитию теорий. Народ хитрее стал, как выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится» (Писарев 1955b, с. 118). Писарев понимает под словом *теория* не любое теоретическое построение, а именно идеалистические концепты, например, философскую систему Гегеля (Гегель 1974, Гегель 1975, Гегель 1977). Такой теории Писарев противопоставляет «современный, здоровый и свежий материализм» (Писарев 1955b, с. 118), который в большей степени соответствует духу русского мужика и всего народа. От лица русского народа идеолог «нигилизма» пишет, что «нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта» (Писарев 1955b, с. 118).

В этической сфере отказ от идеалистической теории и восприятие материалистического взгляда на мир приводит к разумному эгоизму. Стоит сказать, что разумный эгоизм и эгоизм в обыденном смысле представляют собой различные явления, которые отличаются друг от друга в первую очередь количественно (разумный эгоизм есть более развитая форма эгоизма). Журналист «Русского слова» пишет: «Если бы все в строгом смысле были эгоистами по убеждениям, ...не создавая себе искусственных понятий идеала и долга и не вмешиваясь в чужие дела, то, право, тогда привольнее было бы жить на белом свете, нежели теперь, когда о вас заботятся чуть не с колыбели сотни людей, ...которые вас знают не как личность, а как единицу» (Писарев 1955b, с. 119). Другими словами, последовательное проведение теории разумного эгоизма на практике способствует более благоприятному существованию и продуктивному развитию общества, при этом личность и ее свобода не приносятся в жертву. Разумеется, в России XIX в. осуществить такое было невозможно, однако Чернышевский и Писарев были уверены, что общество способно развиться до соответствующего уровня в будущем. И, пожалуй, нет убедительных оснований думать, что такое будущее не настанет.

В сфере же науки, по Писареву, идеализм приводит к тому, что «элемент фантазии» «разыгрывается в чужой области». Иными словами, идеалистические построения представляют собой антипод научности. Но если фантазия остается в своем собственном статусе, то есть понимается как художественный вымысел, то она не приносит и не может принести человечеству и науке никакого вреда.

Решая вопрос о цели (смысле) жизни, Писарев дает иной ответ, чем Чернышевский и Лавров. Если последние два мыслителя считали, что жизнь обретает высокий смысл от принесения индивидом пользы человечеству, то Писарев смотрит на это значительно проще: «...не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите» (Писарев 1955b, с. 120). Взгляд Писарева следует признать вполне здравым, но ставить на этом точку нам кажется опрометчивым; следовало бы дополнить его положениями из философии Чернышевского и Лаврова, которые мы упомянули. Другими словами, сама жизнь (действительность, реальность) опережает человека в достижении истины, истина уже есть в жизни, а человек только следует этой реальной истине, соответственно, всегда как бы опаздывает, пытается догнать. В этом правота Писарева. Но в то же время человечество – это часть «жизни», а потому не может быть ничего более значительного в жизни индивида, чем приведение действительности к ее собственной истине. В этом правота Чернышевского и Лаврова.

Далее Писарев поднимает проблему соотношения эгоизма и добра в человеке: «...как согласить эти эгоистические начала с любовью к человечеству? Об этом нечего заботиться. Человек от природы существо очень доброе» (Писарев 1955b, с. 120). Так, если не ставить перед индивидом различных требований, которые мы наблюдаем на протяжении почти всей истории человечества, то человек будет добр. Такое понимание человеческой природы напоминает концепцию естественного состояния Руссо, и Писарев обращает на это внимание. Но Писарев идет дальше французского мыслителя, так как замечает, «что дикари живут при таких условиях, которые мешают свободному развитию характера» (Писарев 1955b, с. 121). Среди таких условий журналист «Русского слова» выделяет: а) угрозу со стороны природы, к которой дикарь еще не вполне адаптировался, б) суеверия и предрассудки, в) стремление к идеалу. Иными словами, Писарев представляет развитие общества в три этапа: 1) дикое состояние, при котором человек находится во власти природы и *теорий*, 2) цивилизованный человек, который смог покорить природу настолько, чтобы не бояться ее, но не освободился от своих *теорий*, 3) человек, который разовьется настолько, что сможет отбросить *теории*. Так, Писарев пишет, что «эмансипация личности и уважение к ее самостоятельности является последним продуктом позднейшей цивилизации» (Писарев 1955b, с. 121).

Насколько видно, природа оказывается не таким значительным препятствием на пути развития человечества, как продукт самих людей – теории, то есть предрассудки и идеалы. «Теоретикам

нет дела до того, что есть в наличности; они говорят: так должно быть» (Писарев 1955b, с. 121). Писарев ставит идеалистам в упрек то, что они не свои понятия соотносят с действительностью, а наоборот: действительность хотят «переделать» под свои понятия. Причем речь идет не о социальном преобразовании, и не о подчинении природы человеку, и даже не об антропоморфном характере познания, а о фантастическом мировоззрении, которое идет вразрез с реальностью. *Идеалист воображает мир иным, а материалист осознает мир в его наличности и делает иным на практике.*

Таким образом, противником материализма оказывается идеалистическая теория. Писарев пишет, что «в практической жизни мы все материалисты и все идем в разлад с нашими теориями» (Писарев 1955b, с. 122). Поэтому материалист не входит в противоречие, когда занимается философией или наукой, так как его практика соответствует материалистической теории. Идеалист же не может связать практику и теорию, в силу чего для него «идеал служит вечным упреком и постоянным кошмаром» (Писарев 1955b, с. 122). По Писареву, материалист принимает *очевидность* как критерий истины, в то время как идеалист по мере сил старается бороться с очевидностью, чтобы защитить свои теоретические построения. Однако стоит сказать, что речь идет не о той очевидности, о которой говорят феноменологи.

Также Писарев упрекает «философов всех времен» за растрату их труда на «бесплодные усилия понять несуществующее». Вместо этого следовало бы уделить внимание тому, что предстает перед непосредственным взглядом человека. На основании этих положений выводится формула, напоминающая по способу доказательства аргумент Добролюбова и Чернышевского против души: *«Невозможность очевидного проявления исключает действительность существования»* (Писарев 1955b, с. 123).

Утверждая, что наука вытесняет умозрительную философию, Писарев выдвигает требование, которое с некоторыми оговорками можно приписать всей философской партии материализма: «... мы хотим знать, что есть, а не догадываться о том, что может быть» (Писарев 1955b, с. 123).

Критика позитивизма с материалистических позиций

Если позитивистская философия стремится убрать субъекта из акта познания, то «метафизика», то есть материализм и идеализм, трудно представимы без субъекта. Однако идеализм имеет тенденцию к утверждению дуализма души и тела, из чего выводится либо дуализм как в антропологии, так и в онтологии (что явно несостоятельно), либо к непоследовательности и эклектике (мо-

низм в онтологии, дуализм в антропологии). По Писареву, последовательным и адекватным объекту познания может быть только материализм.

В главе X Писарев разбирает ряд статей Лаврова, критикуя его философию за «неопределенность» и «диалектику». По Писареву, слабая сторона Лаврова, которую не замечает «критика» (то есть другие журналисты), заключается «в отсутствии субъективности, в отсутствии определенных и цельных философских убеждений» (Писарев 1955b, с. 125). Иными словами, Лавров не относит себя ни к материалистам, ни к идеалистам, пытается быть не в философии, а над философией. В *чрезмерном стремлении* к объективности Писарев и видит недостаток, поскольку верный путь к объективности лежит именно через субъективность, которую Лавров избегает.

Писарев пишет о публичных лекциях Лаврова, опубликованных в январском выпуске «Отечественных записок» (Лавров 1965). Журналист «Русского слова» ожидал увидеть в этих лекциях взгляд Лаврова на современную философию, то есть хотел обнаружить партийность философии и субъективность, без которых истина недостижима. Но «Лавров с особенным старанием скрыл свою личность так, что вы до нее решительно не доберетесь» (Писарев 1955b, с. 126).

По Писареву, Лавров не высказывает никаких конкретных суждений, а его мысль ограничивается общими местами. Писарев видит необходимость в приложении философских достижений на практике, то есть она должна быть полезна, а «то, что г. Лавров называет философией, то отрешено от почвы, лишено плоти и крови, доведено до игры слов, – это схоластика, праздная игра ума» (Писарев 1955b, с. 126). Так, Лавров ставит вопрос о том, «что такое я» (Писарев 1955b, с. 126), но в результате рассуждений не дает ответ. Более того, Лавров отводит этому вопросу место за границами науки, то есть считает его принципиально неразрешимым.

Писарев утверждает, что по своему содержанию лекции Лаврова «бесполезны», а потому их не стоит подробно разбирать и критиковать частности. В связи с этим журналист «Русского слова» критикует Антоновича за его рецензию на первые две лекции Лаврова, которая опубликована в «Современнике» за апрель 1861 г. По мысли Писарева, Антонович «доказывает логическую непоследовательность тогда, когда следовало бы доказать практическую бесполезность» (Писарев 1955b, с. 128).

Писарев предлагает свой подход к критике лавровских лекций: нужно спросить, актуальны ли разговоры об умозрительной философии и получилось ли у Лаврова сказать по этой теме что-либо достойное внимания. Как пишет Писарев, Антонович углубляется в оценку второго вопроса, ко-

торый касается Лаврова, но первый вопрос о жизнеспособности спекулятивной философии Антонович оставляет без внимания.

Здесь важно заметить, что Писарев приводит соображение Антоновича о том, что Лавров эклектик, но не высказывает своего суждения. Лавров же в статье «Моим критикам» утверждал, что Писарев согласился с Антоновичем, хотя мы не наблюдаем ни согласия, ни оспаривания.

Писарев считает, что Антоновичу следовало разобрать также третью лекцию, так как в ней «философские убеждения г. Лаврова высказываются, наконец, в более определенной форме и ведут к реальным выводам в сфере практической жизни» (Писарев 1955b, с. 129).

Проанализировав труд Лаврова, Писарев заключает: «В области нравственной философии взгляды наши почти диаметрально противоположны» (Писарев 1955b, с. 129). Для Писарева важно непосредственное восприятие действительности такой, какая она есть, то есть восприятие очевидности; а нравственный идеал, аскетизм и стремление к цели для него не представляют никакого смысла. Лавров же, по Писареву, подчиняет очевидность и непосредственность систематичности и формальной логике, действительность делит на вещи-в-себе и явления, изгоняя тем самым очевидность из сферы познания, а также нравственное становление личности сводит к стремлению к идеалу и «нравственным специям и ингредиентам». Иными словами, материалист Писарев видит в Лаврове спекулятивного философа, идеалиста. Однако характеристика, которую дали Лаврову Чернышевский и Антонович, должна была бы несколько оправдать Лаврова в глазах Писарева, если бы он согласился с тем, что автор лекций не идеалист, а эклектик. Следует заметить, что эклектизм взглядов Лаврова заключается в том, что он оказывается наполовину позитивистом, наполовину материалистом. Более того, излагая свое этическое учение, он дал категориальное обоснование разумного эгоизма.

В завершение первой части «Схоластики XIX века» Писарев пишет, что другие философы, помимо Лаврова, не достойны такого внимания, поэтому ограничивается о них парой слов. К примеру, о Страхове он говорит в едком ироническом тоне: «Страхов считает нужным доказывать, что между человеком и камнем большая разница» (Писарев 1955b, с. 131). О Юркевиче же журналист «Русского слова» в подобном же ключе скажет позднее в связи с «Русским вестником» и «Отечественными записками».

Отсюда видно, что философское основание в онтологиях Писарева и Лаврова все же прослеживается, хотя и неявно. В то же время Страхов и Юркевич, будучи идеалистами, не устаиваются внимания материалиста Писарева.

Партийность философии

Партийности философии часто понимается либо как политизация философии, либо – в лучшем случае – как такой взгляд на философию, которого чаще придерживаются мыслители именно материалистического направления. Однако философы как таковые партийны, в том смысле что всегда придерживаются той или иной философской партии и свою онтологию строят в соответствии с фундаментальными положениями своего направления.

Другими словами, во-первых, партийность философии некорректно сводить исключительно к политике, во-вторых, хотя материалисты чаще других философов провозглашают принцип партийности философии, все же этого принципа придерживаются мыслители и других направлений, даже если на словах его отрицают. Анализ второй части статьи Писарева это наглядно показывает.

Вторая часть начинается со слов о консервативно-либеральных журналистах, которые негативно высказываются о революционно-демократической критике. Писарев оправдывает «свистунов» тем, что критика и ирония не могут принести вред: «Живая идея, как свежий цветок от дождя, крепнет и разрастается, выдерживая пробу скептицизма» (Писарев 1955b, с. 133). Более того, здоровый скептицизм необходим, так как со сменой поколения меняются убеждения и идеи, а «что казалось неопровержимым вчера, то валится сегодня» (Писарев 1955b, с. 134). Соответственно, отказаться от написания статей и ждать, пока мировоззрение окончательно сформируется, как рекомендуют оппоненты «свистунов», Писарев считает неправильным. И дело не только в том, что взгляды человека всегда пребывают в становлении, но и в том, что «страстный бред или пылкая диалектика юноши всегда западают в душу слушателя глубже и шевелят ее живее, чем мудрый совет старика» (Писарев 1955b, с. 135). Это тем более верно, что авторитеты, по Писареву, бывают ложными и тогда могут быть разбиты сомнением, а если авторитет окажется не ложным, то сомнение его упрочит. Иными словами, в целях познания истины следует подвергать сомнению прежние убеждения, не превращать в догмы, а регулярно испытывать их и перепроверять.

Писарев смотрит на многие вещи как на относительные: не только эстетика, но и познание имеет релятивистский характер. Так, он утверждает, что воззрения не могут быть ни истинны, ни ложны, так как их много и они равноправны. Следует сказать, что такое положение не вполне соотносится с материалистическим мировоззрением и смотрится скорее как элемент полемики, чем серьезное утверждение.

Далее Писарев выдвигает знаменитый ультиматум своей философской партии, к которой сле-

дует отнести также Чернышевского, Добролюбова и, с некоторыми оговорками, Лаврова: «...что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (Писарев 1955b, с. 135).

«Полемические красоты» Чернышевского (Чернышевский 1950), как пишет Писарев, «взволновали журнальный мир» (Писарев 1955b, с. 136). Многих журналистов больше привлекают споры и полемика, чем научные открытия. Писарев утверждает, что «Русский вестник» и «Отечественные записки» уделяют Чернышевскому чрезвычайно много внимания. К примеру, отмечается, что «Русский вестник» опубликовал ответ на июньскую статью «Современника» в номере своего журнала за тот же месяц.

Как известно, «Отечественные записки» упрекали Чернышевского за то, что он проигнорировал Юркевича: «...ведь считали же они отказ Чернышевского за доказательство его несостоятельности» (Писарев 1955b, с. 138). Но, как писал редактор «Современника» в «Полемических красотах», ему нет смысла спорить с Юркевичем. Чернышевский объяснял это тем, что его оппонент ведет дискуссию не против него, а против материалистов вообще, а также тем, что Чернышевский ставил Юркевича значительно ниже себя в качестве мыслителя. Писарев же пишет, что спор с Юркевичем и вообще с идеалистами есть то же, что «ломать себе голову, следя за извилинами ваших аргументаций, написанных тяжелым, неясным языком 30-х годов» (Писарев 1955b, с. 138). Иными словами, взгляды идеалистов Писарев оценивает как устаревшие. Кроме того, он утверждает, что полемика с ними лишена смысла потому также, что в этом нет необходимости для просвещения и пропаганды идей: «Чтобы убедить публику? Да она и без того на нашей стороне» (Писарев 1955b, с. 138).

Также Писарев не видит в серьезной полемике против идеалистов ничего интересного для читателей: «Если бы мы стали вас опровергать по пунктам, статьи наши вышли бы так же скучны и головоломны, как ваши критические исследования» (Писарев 1955b, с. 138). Соответственно, журналист «Русского слова» считает излишней полемику материалистов против идеалистов, за тем исключением, если спор будет вестись при помощи иронии и «свиста».

Писарев также дает похожую рекомендацию «Отечественным запискам», которые позиционируют себя «серьезными» в противовес «мальчишкам» и «свистунам» из «Современника» и «Русского слова». «Вы должны показывать вид, будто чувствуете к нам полнейшее, холодное, равнодушное презрение, будто *игнорируете* нас» (Писарев 1955b, с. 139). Однако консервативно-либеральная

печать не выдерживает «свиста» и «насмешек», а потому посвящает Чернышевскому статьи, авторы которых стремятся разоблачить его.

В ответ на замечание Чернышевского о том, что «Отечественные записки» не имеют единства направления, Дудышкин отреагировал умеренным согласием, считая, что подобная полифония представляет собой скорее положительное качество для журнала. Писарев оспаривает обе точки зрения, так как, несмотря на отсутствие единства, которое подразумевал Чернышевский, он усмотрел другое, а именно: «...недоступность живым интересам, ...*игнорирование* живых и больных мест нашей частной и общественной жизни» (Писарев 1955b, с. 140). Но такое «единство» вряд ли можно ставить в заслугу редакции журнала.

Обозначая проблему полемики между представителями различных философских партий, Писарев поднимает тему авторитетов. Так, он отмечает, что спорить с представителем своего же лагеря «приятно», так как есть возможность сослаться на авторитет, как, например, средневековые схоласты в ходе диспута могли привести цитату из сочинений отцов церкви или же трактатов Философа. В таком споре ссылка на авторитет сама по себе является полноценным аргументом. Poleмика же с представителем иной партии не оставляет такой возможности. Например, ссылки Юркевича на Канта в критическом разборе статьи Чернышевского лишены смысла, так как авторитет кенигсбергского мыслителя вряд ли мог убедить последователя Фейербаха.

В следующей главе Писарев анализирует возражения Альбертини против Чернышевского, но они в основном касаются социально-политических вопросов. Мы отметим чисто философский момент. Из статьи Альбертини Писарев делает следующий вывод о характере его взглядов: «1) должно хвалить своих адептов, хотя бы они говорили вздор и делали гадости; 2) должно ругать наповал своих противников, чернить их всеми правдами и неправдами и радоваться, если чернит их кто-либо другой» (Писарев 1955b, с. 146). В этих двух пунктах проявляется принцип партийности, но доведенный до абсурда. Согласно первому пункту, материалисты всегда должны хвалить друг друга, так же должны поступать идеалисты по отношению к своим единомышленникам. Из второго же пункта следует, что материалист в любом случае обязуется порицать идеалиста, а идеалист – материалиста. Другими словами, из этих пунктов следует, что значение имеют только самые основы, философский фундамент, который не простирается дальше основного вопроса философии. Очевидно, что такой взгляд существенно упрощает суть дела. Вероятно, Писарев смог вывести такие положения из слов Альбертини потому, что этот последний пытался выстроить обличение Чернышевского.

Из этого логически вытекает замечание Писарева, которое он делает уже Бестужеву-Рюмину. Так, журналист «Русского слова» настаивает на том, что при ведении полемики необходимо руководствоваться лишь идеями своего противника как предметом критики. Личные же отношения к оппоненту только навредят процессу дискуссии, так как могут увести от сути разногласия – от противоборства философских партий.

В контексте причин падения Рима Писарев пишет, что «Бестужев-Рюмин, как идеалист, не может помириться с трезвым воззрением г. Чернышевского» (Писарев 1955b, с. 151). С точки зрения последнего, Рим пал *не по необходимости, а по причине* нападения варваров. Писарев отстаивает взгляд Чернышевского на то, что «упадок нравов» не может стать причиной разрушения государства или цивилизации.

Бестужев-Рюмин упрекает Чернышевского за пожелание «способствовать развитию» народа, когда к этому нет возможности. Писарев же возражает, что для этого достаточно «не мешать», то есть убрать чисто материальные преграды на пути народа к просвещению. Перестав голодать и обретя время на досуг, народ стал бы, по мысли Писарева, не только читать, но и даже писать книги. С этим стоит согласиться, ведь таким же образом появились образованные люди среди привилегированных классов в Античности.

Далее Писарев высказывает противоречивую мысль о том, что пропаганда материализма в России XIX в. невозможна в силу социально-экономической отсталости страны, так как в ней все еще сохраняется «рабство» в виде крепостного права. Журналист «Русского слова» утверждает, что такой порядок поддерживается идеалистическим взглядом на действительность. Однако В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Чернышевский и сам Писарев пропагандировали материализм, несмотря на цензурные ограничения в Российской империи XIX в.

Развивая идею о распространении материализма, Писарев пишет, что отдельные личности могут приходиться к такому мировоззрению двумя путями: 1) испытывая неудачи, утраты и потери, 2) размышляя, чисто теоретически. Первый путь журналист считает трудным, а второй – скорее простым. Причем становление человека материалистом обуславливается обстоятельствами, а потому применимо не только к индивидам, но и обществу.

Далее журналист «Русского слова» говорит о Дудышкине, но в большей мере иронизирует. Так, Писарев оценивает редактора «Отечественных записок» как незначительного мыслителя: «Вы хвалите то, что вам по плечу, – а по плечу вам то, что кажется мизерным утопистам, т. е. людям, смотрящим дальше, чувствующим глубже и говорящим смелее» (Писарев 1955b, с. 156). Утопистов же,

среди которых и Чернышевский, Писарев ставит значительно выше.

В завершение статьи Писарев пишет о Дудышкине как о недобросовестном журналисте, который приписывает своему оппоненту слова, которых тот не писал. Но что важнее, журналист «Русского слова» в контексте «Отечественных записок» упоминает Юркевича, которого вслед за М.Н. Катковым высоко оценил и Дудышкин. По Писареву, эта солидарность проистекает из трех причин: 1) Юркевич выступил против Чернышевского, 2) поддерживает «рутину», то есть устаревшие воззрения, 3) «его доводы чрезвычайно туманны, как вообще доводы идеалистов, старающихся поддержать свои построения путем диалектики» (Писарев 1955b, с. 157).

Иными словами, Дудышкин согласился с Катковым, а Катков согласился с Юркевичем не столько потому, что каждого из них убедили философские и логические аргументы, а потому, что они узнали друг в друге людей своего круга, мыслителей своей философской партии.

Позднее, в статье «Московские мыслители», вышедшей в журнале «Русское слово» за 1862 г., Писарев в контексте полемики с Катковым и «Русским вестником» снова упоминает Юркевича и его статью «Из науки о человеческом духе», направленную против «Антропологического принципа в философии» Чернышевского.

В главе VII Писарев пишет о труде Юркевича, что «будет основательнее пройти эту статью молчанием» (Писарев 1955a, с. 301), хотя журналист «Русского слова» все же видит аргументы как за, так и против ведения полемики против этой статьи. Причина же, по которой Писарев снова только упоминает и демонстративно игнорирует работу «Из науки о человеческом духе», заключается в принадлежности Юркевича к лагерю идеалистов: «Решаюсь я не говорить об этой статье собственно потому, что не вижу ни малейшей точки соприкосновения между мыслями г. Юркевича и моими собственными идеями» (Писарев 1955a, с. 301). Писарев не видит в этих воззрениях той жизненности (материалистичности, «реализма»), к которой сам стремится, поэтому говорит о его статье как об устаревшей и наполненной «диалектическими тонкостями».

Но такое отношение следует воспринимать не как отказ от полемики, а как своеобразный способ ведения спора. Заявляя нежелание писать возражения Юркевичу, Писарев дает ему весьма низкую оценку как философу.

Писарев часто с пренебрежением говорит о «диалектике» как об искусстве спора, в котором упражнялись средневековые теологи, однако здесь отмечает, что готов «пользоваться философскою диалектикою как орудием борьбы» (Писарев 1955a, с. 302). Иными словами, сам метод для

него вполне приемлем, но значение этого метода определяется целью, которую ставит себе «диалектик». Однако Писарев не считает для себя нужным всерьез употреблять средства диалектики для спора со «схоластом», который пользуется ей как будто для упражнения мысли.

Журналист «Русского слова» высказывает суждение, схожее по своему смыслу со словами Чернышевского о статье Юркевича: «...не умеющие окинуть одним взглядом целое направление мысли, возражают против отдельных подробностей, спорят против частных недосмотров и превращают живую идею в диалектическое толчение воды (курсив мой. – А.Ч.)» (Писарев 1955а, с. 302). Соответственно, как считает Писарев вслед за Чернышевским, материалисту следует только «пройти мимо» такого явления, как труд Юркевича.

Такому выводу о Юркевиче и других «схоластах XIX в.» соответствует взгляд Никоненко, который выразил методологическое значение «нигилизма» Писарева по отношению к идеалистической мысли в следующих словах: «Истина может быть только одна, правильное, верное мировоззрение может быть только одно – это ясно осознал Писарев, и вся его деятельность была направлена на развитие научного мировоззрения» (Никоненко 1983, с. 86).

Заключение

В результате исследования следует заключить, что:

1. Изучение философии Д.И. Писарева ставит перед исследователем задачу различения, с одной стороны, полемических приемов и, с другой стороны, собственно взглядов мыслителя. Буквальное прочтение его текстов не может привести к адекватному пониманию идей философа.

2. Монизм и материализм представляют собой одну и ту же философскую партию, но рассмотренную под различными углами зрения. В материалистической философии существует только одна субстанция – материя. Идеальное же представляет собой атрибут субстанции.

3. Идеализм тяготеет в равной степени как к монизму, так и к дуализму. Дуалистическое представление о тех или иных формах бытия чаще оказывается выражено в антропологии: в виде дуализма души и тела. Идеалистический монизм же чаще встречается в онтологии: действительной субстанцией, началом всего и причиной самой себя является божество или какая-либо высшая форма духа.

4. Принцип партийности философии не вульгаризирует онтологию, теорию познания и вообще философию, а помогает понять саму природу философского знания и основных вопросов философии.

5. Во взглядах Д.И. Писарева прослеживается проведение принципа, согласно которому познание имеет человеческую природу, то есть человеческое знание о мире всегда приобретает специфические человеческие формы. Другими словами, адекватное познание мира всегда субъективно, но это познание вообще возможно, поскольку мир адекватен формам познания человека.

Из сказанного следует, что статьи Д.И. Писарева представляют собой не только эпизод из дискуссии 1860-х гг. об антропологическом принципе, но и значительный вклад в развитие отечественной и мировой онтогносеологии.

Источники фактического материала

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. Москва: Мысль, 1974. 452 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. Москва: Мысль, 1975. 695 с.

Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. Москва: Мысль, 1977. 471 с.

Писарев Д.И. Московские мыслители. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 274–319.

Писарев Д.И. Схоластика XIX века. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 97–159.

Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1987. С. 146–229.

Чернышевский Н.Г. Полемические красоты. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 707–774.

Библиографический список

Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI–XIX веков. Ленинград: Наука, 1970. 652 с.

Лавров П.Л. Моим критикам // Русское слово. 1861. Июнь. Отдел II. Русская литература. С. 48–69.

Лавров П.Л. Три беседы о современном значении философии // Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1965. С. 509–573.

Маслин А.Н. Писарев Д.И. // История философии в СССР. В 5 т. Т. 3 / под ред. В.Е. Евграфова Москва: Наука, 1968. С. 133–157.

Никоненко В.С. Материализм Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1983. 151 с.

Черных А.А. Диалог философских школ об «антропологическом принципе» в статьях Н.Г. Чернышевского и М.Н. Каткова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 5–15.

Черных А.А. Психофизиология И.М. Сеченова как критика взглядов П.Д. Юркевича на антропологический принцип // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2024. № 1(49). С. 57–73.

Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе. Из науки о человеческом духе: Очерки по философии и богословию. Изд. Стереотип. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 3–91.

References

Galaktionov, A.A. and Nikandrov, P.F. (1970), *Russian philosophy of the XI–XIX centuries*, Nauka, Leningrad, USSR.

Lavrov, P.L. (1861), To my critics, *Russian Word*, June, Part II, Russian Literature, pp. 48–69.

Lavrov, P.L. (1965), Three conversations on the contemporary significance of philosophy, *Philosophy*

and Sociology: Selected works, vol. 1, Mysl', Moscow, pp. 509–573.

Maslin, A.N. (1968), Pisarev D.I., *History of Philosophy in the USSR*, vol. 3, Nauka, Moscow, pp. 133–157.

Nikonenko, V.S. (1983), *Materialism of N.G. Chernyshevsky, N.A. Dobrolyubov, D.I. Pisarev*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad, 151 p.

Pisarev, D.I. (1955), *Moscow thinkers, Works*, vol. 1, State Publishing House of Artistic Literature, Moscow, pp. 274–319.

Pisarev, D.I. (1955), Scholasticism of the XIX Century, in Pisarev D.I., *Works*, vol. 1, State Publishing House of Artistic Literature, Moscow, pp. 97–159.

Yurkevich, P.D. (2015), From the Science of the Human Spirit, *From the Science of the Human Spirit: Essays on Philosophy and Theology*, Stereotype Publishing House, Book House "LIBROKOM", Moscow, pp. 3–91.

Submitted: 28.04.2025

Revised: 02.06.2025

Accepted: 16.06.2025